

О. Ю. СОЛОДЯНКИНА

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РУССКИХ В ПИСЬМАХ, ДНЕВНИКАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ ДВУХ АНГЛИЙСКИХ ГУВЕРНАНТОК

Цель статьи – сравнить впечатления о России двух британских гувернанток, трудившихся в нашей стране с интервалом почти в сто лет (в 1730-е и 1820-е), выяснить, что было устойчиво-стереотипным в восприятии России у лиц одного профессионального круга, а что зависело от личных качеств (образовательного ценза, готовности к восприятию нового, любознательности и т.п.) самой иностранки.

Ключевые слова: Россия, гувернантки, межкультурная коммуникация, стереотипы.

Служба «в гувернантках» – это такой временной континуум, в котором женщины в большинстве случаев недворянского происхождения обнаруживают себя (что в других случаях нехарактерно для столь низкого статуса) в пространстве дневниковых записей, произведений эпистолярного жанра, мемуаров. Они оказывались в России в силу разных причин, имея за плечами разный жизненный опыт, что влияло на их впечатления от страны пребывания. Часть текстов – дневники, письма – писались не для «внешнего» пользования, другие же материалы издавались по возвращении на родину с целью заработать, и это также определяло специфику изложения. Нужны были яркие факты, резкие оценки, приходилось сгущать краски для полноты впечатления и что-то додумывать и прибавлять «от себя». Многое зависело от уровня подготовки гувернантки и от того, каким образом она очутилась на такой должности – «упав вниз» по статусной лестнице, или «поднявшись вверх». Если это был подъем по социальной лестнице, иностранка чувствовала себя успешной, и могла с интересом воспринимать новое русское окружение. При «обвале» вниз, в статус гувернантки, нарастали комплексы, связанные с ухудшением социального положения, и женщина негативно воспринимала все окружающее, что также отражалось в написанном ею.

Проанализируем тексты, созданные двумя британскими гувернантками, Элизабет Джастис и Клер Клермонт, работавшими в России в 1730-е и 1820-е гг. соответственно.

Англичанка Элизабет Джастис, оставленная мужем без средств к существованию, прибыла в Петербург и в 1734–37 гг. работала гувернанткой в семье английского купца, с интересом наблюдая жизнь столичного города, не владея сначала русским языком, но проявляя любознательность. Для нее это был подъем по социальной лестнице: «Мои

мысли были теперь совершенно заняты этой высокой должностью, в которую я вступала, – должностью гувернантки». Она с восторгом воспринимала свою новую должность и место работы – Петербург, позволявшие ей обеспечить определенную финансовую стабильность: «Если бы не получила письма из Англии [с просьбой] возвратиться и помочь моим собственным детям, то оставалась бы в Петербурге до сих пор»¹.

Джастис видела императрицу Анну Иоанновну, цесаревну Елизавету Петровну, принцессу Анну Леопольдовну, других знатных людей в театре и давала им оценки по внешнему впечатлению: «Ее величество высока, очень крепкого сложения и держится соответственно коронованной особе. На ее лице выражение и величия, и мягкости. <...> Я имела честь дважды видеть ее величество в опере. Оба раза она была во французском платье из гладкого силезского шелка; на голове у нее был батистовый платок, а поверх – то, что называют шапочкой аспадилли из тонких кружев с вышивкой тамбуром и с бриллиантами на одной стороне»². Со знанием мельчайших деталей туалета описаны костюмы, ткани, кружева – какого цвета, чьего производства. Подробная характеристика внешнего вида русской знати позволила ей сделать вывод, что русские «знамениты показной пышностью и парадностью. Думаю, что в этом русский двор невозможно превзойти». Но такая же страсть к показному внешнему виду характерна была и для простых русских: «Русские приобретут красивый жакет и шапку, даже если за душой у них не останется ни гроша»³. Англичанка обращала внимание на то, как различаются головные уборы замужних дам и девиц, какое носится белье, в ходу ли чулки и башмаки. По вниманию ко всем этим деталям Джастис показывала себя женщиной практического склада; даже в театре она в первую очередь отмечала, что он хорошо отапливаем восемью печами, а идущие там пьесы интересовали ее в последнюю очередь. Практицизм замечен и в том, как четко определила гувернантка предметы российского экспорта: «Товары, обычно отправляемые русскими в Англию, — это железо, пенька, поташ, сукно, мех и так далее»⁴.

Жизнь простых россиян казалась Джастис достойной наблюдения во всех деталях: как одеты, что едят, в каких домах живут, чем занимаются, как развлекаются. Понимание национального характера видно в коротких замечаниях: «Я заметила, что русским [простолюдинам] не приходится много тратиться на пропитание, так как они могут насы-

---

¹ Джастис. 1997. С. 90.

² Там же. С. 90-91.

³ Там же. С. 91-92.

⁴ Там же. С. 101.

тяться куском кислого черного хлеба с солью, луком или чесноком. Пить они любят крепчайший напиток, какой только могут достать, и если не удастся добыть его честным путем, то они крадут его, так как не в состоянии отказаться от этого пристрастия»⁵. Детальнейшим образом англичанка разбирала те продукты, которые потреблялись в России, и сравнивала их с английскими аналогами. Так, она характеризовала цену и качество рыбы («я видела корюшку лучшую, чем где бы то ни было в Англии»⁶), икры, раков («речные раки крупнее, чем когда-либо виденные мною в Англии»), телятины («есть очень хорошая телятина, однако ее мало»), говядины («говядина же исключительно хороша и дешева»), свинины, баранины («овцы у русских мелкие, но баранина вкусна и жирна. <...> У русских имеется также превосходная свинина, и они очень любят козлят, которых там множество. Их ягнята хороши»), дичи, птицы («гуси очень жилистые и хуже наших»), варианты потребления этих продуктов. По такому сравнению становилось ясно, что в Англии она сама вела хозяйство и хорошо знала цены на разные товары. Столь же хорошо она разбиралась в приготовлении блюд: «Способ приготовления пищи у русских — варка или выпечка. Они большие любители мясного бульона, который приготавливают из самого постного мяса, какое только смогут достать, и заправляют его крупой вместо овсянки, имеющей то же происхождение, а также большим количеством трав и луком. Русские часто варят суп из рыбы, пренебрегая зеленью»⁷.

Национальная кухня – один из тех пунктов, по которым проверяется терпимость иностранца к чужой культуре. Именно еда, как потребляемая неоднократно в течение дня, способна вызвать наибольшее удовольствие (если эта национальная кухня импонирует иностранцу), или же сильнейшее раздражение (если манера приготовления блюд не соответствует изначальным привычкам). Русская кухня редко нравится англичанам, слишком различны наши вкусовые пристрастия, но Элизабет Джастис продемонстрировала здесь удивительную житейскую мудрость, делая такое заключение: «Не могу сказать, что русская манера приготовления пищи мне нравится, но полагаю, что ни в одной части света англичанам не живется лучше, чем в Петербурге»⁸.

В меню англичанина традиционно представлены ягоды и фрукты (и свежие, и в виде пудинга и пирогов). Поэтому британцы, как правило, сразу же замечают их отсутствие или недостаточное качество. Джа-

---

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 93.

⁸ Там же.

стис отмечала: «Там очень мало дождя и очень скудные фрукты. Правда, много всевозможной земляники, очень хорошей; много смородины и крыжовника. Вишни мало, и она очень плохая. Имеются груши, хотя и весьма посредственные. Но есть яблоко, называемое прозрачным. Спелое, оно такое прозрачное, что сквозь него видны семечки. По вкусу оно превосходит любые яблоки, какие я когда-либо пробовала в Англии»⁹. Таким образом, традиционно потрясающий воображение иностранцев белый налив произвел впечатление и на британскую гувернантку.

Климат – еще один «пунктик» проверки терпимости иностранца. За исключением скандинавов, редко кто не критиковал крайности русского климата, особенно знаменитые морозы. Джастис посвятила русской зиме лишь несколько предложений самого общего свойства: «Что же до русского климата, то он чрезвычайно холоден, как вы можете себе представить»¹⁰. А вот лето и комары заставили ее быть более многословной: «Поскольку я описала вам русскую зиму, чрезвычайно холодную, то скажу и о русском лете, которое продолжается четыре месяца – май, июнь, июль и август. В июне и июле – жара жестокая. В эти два месяца особенно донимают насекомые, их русские называют комарами, а у нас в Англии они зовутся мошкой. От их укусов тело покрывается волдырями, которые воспаляются и жутко зудят. Народ обычно лечится от этого способом, состоящим в том, чтобы натирать укушенное место водкой, но у меня от этого воспаление еще более усилилось. Я использовала кислое молоко и нашла его лучшим средством»¹¹. Даже русские грозы сравнивались с английскими: «Там часты грозы с громом и молнией, и раскаты грома гораздо громче и длятся дольше, нежели я когда-либо слышала в Англии. Молнии часто причиняют большие повреждения, что уменьшает удовольствие от лета. А потом, невыносимая жара порой вызывает гибель лесов на протяжении нескольких верст»¹².

Джастис, где бы она ни находилась, все время замечала соотечественников – среди офицеров, моряков, кораблестроителей («Браун – англичанин, он имеет честь занимать несколько должностей на службе ее величества, каковые исполняет очень достойно»¹³). Это совершенно естественное свойство – отмечать своих соотечественников в чужой земле. Но англичанка, кроме того, сравнивала русских и иностранцев, определяла, какими качествами они обладают. Далеко не во всех случа-

---

⁹ Там же. С. 102.

¹⁰ Там же. С. 93.

¹¹ Там же. С. 101-102.

¹² Там же. С. 102.

¹³ Там же. С. 103.

ях все английское было знаком лучшего качества. Джастис могла быть справедливой и объективной, признавая и за русскими определенные достоинства. Правда, первой в этом списке достоинств шла безграничная русская выносливость: «Простой [русский] человек может выдержать большие лишения и будет жить в таких местах и на такой скудной пище, какая убила бы наших соотечественников»¹⁴. Потрясающую выносливость демонстрировали и русские женщины при родах: «Русские женщины преодолевают это недомогание гораздо легче англичанок. Я купила кое-что для одной, которая должна была вскоре родить, а ровно через неделю она сама пришла ко мне без башмаков и чулок посреди зимы и сказала, что разрешилась от бремени и чувствует себя превосходно. И это для тамошних женщин совершенно в порядке вещей»¹⁵.

Англичанка видела и некоторые преимущества в организации бытовой стороны жизни (на фоне потрясающих недостатков, как например то, что простые люди спали на скамьях и на полу скопом, не имея представления об отдельных кроватях или тем более спальнях, столь типичных для британцев). Подробнейшим образом описав печной способ отопления русских домов, Джастис указывала: «Я должна признать этот способ отопления совершенным»¹⁶. В тех же превосходных степенях англичанка оценивала праздничные иллюминации: «Все это несравненно и не может быть превзойдено»¹⁷. Ей казалось также, что в русском климате вырастают очень здоровые люди: «Например, лишь очень немногие сходят с ума или накладывают на себя руки, и я не видела ни одного горбатого, будь то мужчина, женщина или ребенок»¹⁸.

Джастис описывала сани, кареты, кибитки, удобства транспортных средств, взятую в дорогу еду, но простодушно признавалась: «Вот то, что мне рассказывали, сама я за время пребывания в этой стране не совершила ни одного путешествия»¹⁹.

При всей очевидной здравости большинства рассуждений и наблюдений Джастис, надо отметить, что были ситуации, которые она не понимала вовсе и интерпретировала неправильно. Именно к таким «не поддающимся интерпретации» эпизодам относятся сообщения о наказаниях и штрафах: «Если кто-то ворует у огня, вы можете столкнуть его в огонь, ничего более не предпринимая. А если кто-то берет слуг и держит

---

¹⁴ Там же. С. 94.

¹⁵ Там же. С. 98.

¹⁶ Там же. С. 95.

¹⁷ Там же. С. 96.

¹⁸ Там же. С. 99.

¹⁹ Там же. С. 95.

в доме дольше двух дней, не зарегистрировав в полиции, то обязан заплатить такой штраф, какой сочтет уместным начальник полиции. Если слуги виновны в каких-то проступках, вы можете послать за офицером, дабы тот наказал их – высек плеткой-девятихвосткой по спине до крови. Но такое наказание считается у русских пустячным, и ему не придают никакого значения. Ибо они тотчас же натирают спину водкой, и если это делать часто, спина становится столь твердой, что во время наказания они смеются»²⁰. К сожалению, невозможно узнать, кто поведал англичанке о таком способе «затвердевания» кожи спины и где она видела смеющихся во время порки простолюдинов. Это действительно сложный вопрос, ведь с «внутренней стороны» повседневной жизни русских эта гувернантка, поскольку жила в семье соотечественника, так и не смогла познакомиться: ее так интересовали обряды, а она не была ни на крестинах, ни на свадьбе. С похоронами она столкнулась только через два года жизни в Петербурге, и этот ритуал вызвал у нее наибольшее недоумение: «Подойдя узнать, что это такое, обнаружила, что это многочисленные факелы: их среди бела дня несли перед телом. Я сочла это в высшей степени абсурдным. Но человек, в чьем обществе я была, рассказал мне, что русские кладут в гроб, а это еще более абсурдно; туда кладут пару башмаков, несколько свечей и пропуск. Последний – чтобы покойника впустили, но я не знаю, куда. Полагаю, русские считают, будто существует несколько степеней счастья, ибо такой пропуск можно купить в лавке или на рынке, и его действительность зависит от цены»²¹. «Абсурдно» – это одна из наиболее резких оценок в тексте Джастис.

Совершенно другие возможности узнать жизнь русских были у тех гувернеров и гувернанток, что трудились в русских семьях. Но такая «погруженность» в жизнь дома не всегда оказывалась приятной, а знание особенностей домашней жизни во многих случаях не добавляло позитива в восприятии русских.

Показательна реакция Дж. К. Клермонт, служившей гувернанткой в 1823–1831 гг. Джейн Клер Клермонт (Claire Clairmont) (1798–1879) – падчерица Уильяма Годвина, английского философа и писателя, который после смерти первой жены, Мэри Уолстонкрафт, женился на матери Клер. Сводной сестрой Клер стала Мэри Годвин, впоследствии известная как писательница Мэри Шелли. Перси Биши Шелли, муж Мэри, также стал близким и любимым другом Клер. Сама Клер сошлась с Ч. Байроном, и в 1817 г. у нее от Байрона родилась дочь Аллегра (1817–

---

²⁰ Там же. С. 100.

²¹ Там же. С. 99.

1822). Связь с Байроном была недолгой, ребенок, отобранный отцом у Клер, через несколько лет умер, а сама она, из-за стесненных денежных обстоятельств, вынуждена была трудиться гувернанткой в русских аристократических семьях в 1823–1831 г. После нервной борьбы с Байроном за дочь, закончившейся в итоге поражением Клер и смертью малышки, Россия была тем местом, где никто ее не знал, и можно было начать жизнь с чистого листа, попытавшись скопить денег на будущую скромную жизнь в Италии: «Я отправилась в Россию, потому что я надеялась забыть посещения моей темной и изменчивой судьбы, гибельные преследования, казавшиеся неотделимыми от моего имени»²².

Еще с 1821 г. во Флоренции Клер начала знакомиться со многими русскими, будучи принята в доме графов Бутурлиных, центре «русского кружка» Флоренции. Но она и представить не могла тогда, что проведет среди русских несколько лет. В феврале 1823 г. Клермонт заключила соглашение с графиней Зотовой и 22 марта покинула Вену, сопровождая графиню и двух ее дочерей. Так началась карьера гувернантки мисс Клермонт в России. Здесь она пробыла до 1826 г., когда вместе с семьей Кайсаровых, где она воспитывала дочь Наташу, отбыла в Дрезден и уже в Россию не возвращалась. Ее впечатления о России и русских отразились в дневниках и письмах, адресованных Мэри Шелли и приятельнице Джейн Уильямс. Клер была хорошо образованной, начитанной особой с достаточно свободными взглядами и незашоренным умом. Она пожила в Швейцарии, Италии, Австрии, прежде чем оказалась в России. Конечно, она тщательно скрывала своё происхождение и прошлое, ведь никто бы не доверил своих дочерей девушке из круга таких страшных вольнодумцев, как Годвин, и безнравственных типов, как Шелли и Байрон. Клер знала несколько языков, была музыкально одарена, не чужда литературных талантов, и ее зарисовки московского быта, рассуждения о детях и их воспитании, о русских вообще, подробная запись ежедневной рутины английской гувернантки – интереснейший источник.

Конечно, она считала, что попала в страну медведей, как тогда воспринималась Россия: «Я предпочитаю мою ледяную пещеру и моих медведей здесь»²³. Достойными внимания в России ей представлялись только иностранцы. 27 октября 1825 г. она писала Джейн Уильямс: «Недавно я познакомилась с одним немецким джентльменом, который составляет для меня великое прибежище. В такой стране, как Россия, где я могу встречаться только с малообразованными людьми, развитой ум состав-

²² The Journals of Claire Clairmont. P. 437.

²³ Clairmont to Jane Williams. 11.09.1824 // The Clairmont correspondence. P. 211.

ляет для меня величайшее сокровище. Его общество напоминает мне наш прежний кружок, потому что он является хорошим знатоком древней и новых литератур и имеет широкий кругозор и благородный образ мыслей. Ты можешь представить себе, с каким восторгом он обрёл меня здесь, столь отличную от всех его окружающих и способную понять то, что так долго теснилось в его уме как сокровища слишком драгоценные, чтобы их стоило расточать на необработанной русской почве»²⁴.

С позиций ярко выраженного этноцентризма Клер описывала русских: «В России я, пока еще, не встретила ни с одним выдающимся характером – все безнадежно вульгарные. <...> С русскими я никогда не связываюсь, и меня считают неизлечимой гордячкой». Но именно в «варварстве» русских и была для нее особая привлекательность – работать гувернанткой (раз уж выпала такая незавидная участь) именно в этой стране: «Одна вещь заставляет меня предпочесть Россию Англии, если уж я должна быть гувернанткой. Здесь они (русские родители. – О. С.) настолько неосведомлены и вульгарны, что, по крайней мере, я могу сказать, что мне нравится, в то время как, в Англии, я должна была бы руководствоваться их мнением, а не своим собственным»²⁵.

Бесчисленная бесправная дворня привлекла внимание англичанки, выросшей в стране с давним уважением к человеческой личности: «Многочисленная армия рабов – бедные несчастные существа, почти как скоты, которые слоняются по дому, воруют при каждой возможности, и их постоянно секут; единственные существа, которых не секут в российском доме, – сами хозяин и хозяйка, а также иностранцы, а всем остальным при малейшей ошибке угрожают поркой, и то же самое относится к детям»²⁶. Клермонт отмечала это привилегированное положение иностранцев среди прочей обслуги барского дома: их не секут. Но эта привилегия была весьма относительной. В дневниках Клер приводит эпизод, случившийся с графиней Толстой. Та подбирала наставника для сына, и когда английский джентльмен представился ей, то первый вопрос, с которым она обратилась к нему, был: «Я надеюсь, сэр, Вы не пьёте». Англичанин отказался иметь дальнейшие сношения с леди, которая могла задать такой вопрос²⁷. Для Клермонт реакция воспитателя была естественной, а графиня Толстая выражала большое негодование по поводу удивительной наглости этого человека, ведь он был из категории «обслуги» и понятие человеческого достоинства на него не распространялось.

²⁴ Clairmont to Jane Williams. 27.10.1825 // Ibid. P.230.

²⁵ Clairmont to Jane Williams. 11.09.1824 // Ibid. P.212.

²⁶ Ibidem.

²⁷ The Journals of Claire Clairmont. P. 312.

Интересно, что при столь низкой оценке русских Клермонт отдала именно им пальму первенства в сравнении с австрийцами, поскольку у русских больше живости, больше мягкости, никакого формализма, и они гораздо менее глупые. И главный аргумент в пользу русских – некоторое сходство с англичанами: «У них были бы английские качества, если бы не мода подражать французам, даже в малейших чувствах. Они полностью пренебрегают своей собственной Литературой, хотя особенно их поэзия очень красивая. Вся их умственная пища поставляется из Парижа. Либеральные книги и труды философов запрещаются, и каждый день получаешь вместо книг – мусор. Это – главная причина российской ошибочности, и деградации в нравах, которая не естественна на их стадии развития цивилизации. Если, как я часто говорю им, они согласились бы быть просто русскими, то, притом что нельзя было бы любить их грубость, все же нельзя было бы не признать ее как средство. При их дикости, их природная сила имела бы вид достоинства»²⁸.

Клер занималась воспитанием девочек в семье сначала графини Зотовой, затем Посниковых, и так оценила принятую в среде российского дворянства воспитательную методу: «У меня с русскими прямо противоположные цели – они тянут в одну сторону, а я в другую. Они обучают ребенка, формируя его внешние проявления, а это, фактически, ничто, образование, пригодное разве что для обезьян, это – просто система подражания; а я хочу, чтобы внутреннее работало на внешнее; то есть чтобы моя ученица была настолько свободна, насколько это возможно, и чтобы ее собственное соображение подсказывало бы ей, как действовать»²⁹. В силу разницы во взглядах на воспитание, Клер не так выполняла свои гувернантские функции, как было нужно русским родителям. В 1825 г. она жаловалась Мэри Шелли, как трудно выстроить доброжелательные отношения с русскими: «Если Вы не вмешиваетесь в жизнь воспитанницы ежеминутно, запрещая ей наиболее невинные вещи; если Вы не распрямляете ее плечи, не укрепляете шею по сто раз в час, Вас на весь город ославят как самую небрежную и невыносимую гувернантку, и вот именно такой считают меня!»³⁰ Клермонт считала, что нужно развивать внутренний мир девочки, а внешние формы – лишь обезьянничанье, и не сходилась в этом вопросе с матерью своей ученицы, М. И. Посниковой. А поскольку Клер не желала в вопросах воспитания руководствоваться ничьими мнениями, кроме собственного, она была обречена оказываться в ситуации непонимания и вечных спо-

²⁸ Clairmont to Jane Williams. 11.09.1824 // The Clairmont correspondence. P. 212.

²⁹ Claire Clairmont to Mary Shelly. 29. 04. 1825 // Ibid. P. 215.

³⁰ Ibidem.

ров: «Беседа Московских леди такая же, как у жен двух владельцев магазинов в провинциальном городке: первый вопрос, после обсуждения городских скандалов, это довольны ли они своей гувернанткой? Они никогда не ответят утвердительно, и Вы услышите целый список обид, нанесённых несчастными гувернантками, так что можно подумать, что это рой саранчи, которая прибыла, чтобы обосноваться, на некую несчастную территорию, и изничтожила последние остатки изобилия – гувернантки настолько капризны, настолько дерзки, они поедают и выпивают все, что только найдут в доме; они загоняют лошадей до смерти, они ломают всю мебель, и докторские счета на них самые дорогие, и у каждой гувернантки не меньше тысячи любовников». Клер называла все эти домыслы «ужасной клеветой на несчастных гувернанток»³¹.

Еще одна причина жалоб – перлюстрация писем, характерная особенность российской жизни. Клер не могла писать свободно, зная, что ее письмо подруге будет читать по долгу службы кто-то еще. Боясь цензуры, она жестко контролировала тексты своих писем и, хотя, судя по дневниковым записям, была в курсе событий, связанных с междуцарствием и восстанием декабристов, позволила себе выплеск эмоций только в письме, переданном через соотечественников, минуя почтовую службу: «Наш политический горизонт был очень бурным; не было никакого конца паническому террору, который правил бал в течение шести месяцев. Арестам и тюремному заключению подвергся цвет российской молодежи; выкосили всех, кто имел таланты и выделялся на фоне остальных; остались худшие»³². Если бы такой текст стал известен ведомству Бенкендорфа, Клермонт ждало бы повторение участи, постигшей ее в Вене: оттуда ее выслали как подозрительную особу. Наученная печальным «венским опытом», Клер не рисковала в Москве, понимая, что и для хозяев часто пишущая гувернантка была подозрительной, поскольку это «не может быть для развлечения, потому что они сами не находят удовольствия в этом; поэтому это должно быть для чего-то вредного»³³.

Клер сравнивала российские климат, флору и фауну, переменчивость погоды с тем, что она привыкла видеть особенно в милой ее сердцу Италии. Ее, привыкшую к относительно теплым зимам, особенно угнетала продолжительность зимы. 16 мая 1825 г. она писала подруге: «Снег наконец-то растаял, но холодные пронизывающие ветра вернули, если не саму зиму, то по крайней мере ощущение Зимы»³⁴.

---

³¹ Ibid. P. 216-217.

³² Claire Clairmont to Mary Shelly. 14. 05. 1826 // Ibid. P. 236.

³³ Claire Clairmont to Mary Shelly. 29. 04. 1825 // Ibid. P. 215.

³⁴ Claire Clairmont to Jane Williams. 16.05.1825 // Ibid. P. 224.

Вид города, планировка улиц, качество дорог также были предметом внимания Клер, так как, давая уроки английского в разных дворянских семьях, ей пришлось много ходить пешком, и она узнала Москву с «изнанки». Обширность Москвы и плохие дороги, не позволявшие совершать прогулки, редкая растительность, почти отсутствующие цветы (после нескольких лет жизни в Италии это было особенно заметно), минимум фруктов (за исключением яблок, груш и редких вишен) также были предметом жалоб. Для всех остальных плодов нужны были оранжереи, и фрукты превращались в несбыточную мечту. Если тебе дадут 10 или 12 вишенок, надо радоваться, – горестно восклицала Клер, вспоминая итальянское изобилие. Кроме того, ее мучили насекомые, из-за которых она не могла спать нормально: «Целые полчища черных тараканов, клопов и ухверток, которые роятся в каждом российском доме <...> нигде еще я не спала так мало. Я не замечаю ничего, кроме этих неприятных животных, ползающих весь день, и мне уже мерещится, будто моя кровать вся покрыта полчищами черных насекомых»³⁵.

Организация российского дома (загородного и московского, с удаленной кухней, отсутствием стабильных спальных мест, когда хозяева могли спать то в кабинете, то в гостиной, то еще где-то; путающимися под ногами бесчисленными слугами, раскладывающими свои матрасы-подушки на полу вблизи хозяйских кроватей) и стиль поведения в нем вызывала недоумение у воспитанной в уважении к ‘privacy’ англичанки. Русские готовы ссориться бесконечно, ведь для них это так же нормально, как есть хлеб, но британка, приученная к тихому образу жизни, делалась больной от этих постоянных свар. Молчать в ответ на упреки не получалось, потому что это молчание, «которое в других странах было бы признаком вашей образованности» и обеспечивало вам уважение, здесь воспринимается как раболепное молчание, и на вас смотрят как на раба, не осмеливающегося возражать. «знаком вашего достоинства здесь является то, что Вы смеете обсуждать и бранить хозяев»³⁶.

Информационный голод также был для Клер характерной чертой России: «Одна из самых ненавистных вещей в этой неприятной стране, это невозможность достать книги или ноты, или газеты. Все эти вещи, столь обычные в других странах, где они доступны каждому классу общества, здесь превращаются в предмет роскоши только для богатых»³⁷. Характерно обилие негативных эпитетов: ненавистный, неприятный...

³⁵ Claire Clairmont to Jane Williams. 29.04.1825 // Ibid. P. 222.

³⁶ Clairmont to Jane Williams. 20.06.1825 // Ibid. P. 227.

³⁷ Ibid. P. 225.

Ее душили эмоции, и процесс обучения тоже приобретал негативные оттенки: «Все, что я пытаюсь, это вжаться в угол, чтобы избежать оглуляющего состояния моих ушей, из-за криков и выговоров, которые сопровождают каждый урок. Затем – еще хуже, чем дети – их матери и няни, которые окружают их. Их грубые, вульгарные манеры годны только для того, чтобы сформировать варваров по своему подобию; и российские дети так приучены к угрозам и порке, что это напоминает больше исправительный дом, чем что-либо еще. Я стойко сопротивляюсь всему этому, но с ужасающими потерями духа. Это утомляет до последней степени, ведь в каждое усилие, в каждый шаг примешиваются невежество и предубеждения, а самое печальное, что если бы не это вмешательство, если бы детьми занимались иначе, они были бы не предметом мучения, а маленькими приятными существами, достойными восхищения»³⁸.

Оценивая опыт своей гувернерской работы в России, Клер употребляла применительно к профессии гувернантки слово «рабство»³⁹: «Никто лучше меня не знает, что значит ежедневно подниматься по чужим ступеням и чувствовать с каждым шагом, что тебя ждёт одинокая комната и лица, проникнутые странным равнодушием. Мир закрылся для меня в молчании. Прошло уже четыре года, которые я провела среди чужих. Голоса, которые звучали мне в юности, лица, которые окружали меня, теперь почти забыты, и невозможность вспомнить их усугубляет то, что я чувствую»⁴⁰. Она так оценивала свои перспективы, когда, скопив некоторую сумму денег, вновь обретёт свободу: «Лучшие годы моей жизни приносятся здесь в жертву, а независимость будет получена только когда из-за рабства деградирует мой ум и от долгого страдания ослабнут всякие чувства и таким образом я потеряю способность наслаждаться обретенной свободой»⁴¹. От таких размышлений и восприятие России приобретало отрицательные черты. Да, заметки Клер Клермонт полны точных деталей, описания московских дорог и погоды, нравов большого помещичьего дома, гостей, хозяев – и все это написано наблюдательной, умной и крайне негативно по отношению к русским настроенной женщиной. Ни один «прокол» в организации жизни русского дома не ускользал от ее беспощадного взора. Все слова, заметки, суждения, комментарии русских хозяев и их гостей четко отслеживались и разбирались на страницах дневника. При этом учить русский

---

³⁸ Ibid. P.225.

³⁹ Claire Clairmont to Mary Shelly. 2. 05. 1826 // Ibid. P. 234.

⁴⁰ The Journals of Claire Clairmont. P.411.

⁴¹ Clairmont to Mary Shelly. 2. 05. 1826 // The Clairmont correspondence. P. 234.

язык Клер не считала нужным. Из-за изначально негативного отношения к стране и русским пребывание в России для английской гувернантки оказывалось бесконечно тягостным, а выход для негативных эмоций она находила на страницах дневника и иногда – в письмах, которые отправляла не с почтой, а личной оказией.

Приезжающие в Россию иностранки буквально «на ощупь» выстраивали модели своего поведения в инокультурном обществе – этноцентричного, как у К. Клермонт, либо полного энтузиазма и любознательного интереса, как у Э. Джастис. Кто из них больше узнал о русских, их обычаях и особенностях – настроенная с предубеждением к русским, уверенная в полном превосходстве англичан Клермонт или толерантная, готовая бесконечно сравнивать русских и англичан (и видеть те ситуации, где русские выглядели лучше) Джастис? Сопоставляя тексты двух дам, сразу и не ответишь, каким взглядом – критическим или любознательным – лучше видит человек. И острый глаз мизантропки Клермонт, и жизнерадостный подход практичной Джастис создают обширную картину жизни русских, полную всевозможных деталей и наблюдений. Однозначно можно сказать лишь, что вечно всем недовольная Клермонт ощущала себя в Москве бесконечно несчастной рабыней, а интересующаяся любыми деталями Джастис чувствовала себя в Петербурге замечательно. И это уже урок вневременного свойства.

Итак, одним из источников стереотипных представлений о России и русских стали дневники, письма и воспоминания иностранных гувернанток. Но, с другой стороны, еще в большей мере – это источники о самих иностранках, создавших их. Тексты показывают, что было для них странным, что вызывало интерес, а что оставалось безразличным, и в итоге возникает образ самих гувернанток-англичанок.

БИБЛИОГРАФИЯ

Джастис Элизабет. Три года в Петербурге / Пер. с англ. // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб.: «Блиц», 1997. С. 87-110.

The Clairmont correspondence: letters of Claire Clairmont, Charles Clairmont, and Fanny Imlay Godwin / ed. by Marion Kingston Stocking. Vol.1. 1808-1834. Baltimore & London: The John Hopkins University Press, 1995. 316 p.

The Journals of Claire Clairmont 1814-1827. Ed. by Marion Kingston Stocking. Cambridge: Harvard University Press, 1968. 571 p.

Солодянкина Ольга Юрьевна, доктор исторических наук, профессор Череповецкого государственного университета; olga_solodiankin@mail.ru